

Галина Маркелова

Пока стоит Одесса, в ней праведники есть...

* * *

Шелковиц школьные чернила
июнь сгустит до цвета антрацита
и уравниет шалопая и зубрилу,
наляпав клякс на пыль асфальта
и на забытую из Тацита цитату.

И зной, и воля за окном звенят,
и римской конницы всё так же цокают копыта
по мостовым Одессы – знать не вся
победа для Империи добыта...

Она лишь имена меняет и покрой сенатской тоги,
а мир – двучастный, он такой, как и всегда в итоге:
всегда квадрига вздыбленных коней
готова мчать цивилизации ковриги
для варваров, которым наплевать
на ваш устав,
у них свои интриги –
оседланным удерживают дух,
что гуще и темней шелковиц сока,
что тикает
и цокает в крови
и мезью, кровной мезью взрывы множит.

Видения

...И в лета бабьего
прозрачную эпоху,
две тысячи тому,
любил меня Овидий.

На пиршестве гостит могучий Понт,
вино налито в створках мидий,
и прошлого слоистый горький ком
таится в луковице смуглолицей.

Стихи рокочет пьяная волна
да чайки репетируют проклятья...
Единственный, я столько лет одна.
Ах, где же ты, поэт?.. Пусты мои объятья.

Мы разминулисьсь... Синева небес
доносит йодом пахнущие строки.

Листва...

мутации...

удушливый прогресс...

Чем звонче стих – прозрачнее эпоха.

Эпилог

Чай заварю и согрею рис,
встану застывшая
у изголовья,
разоблаченная...
в ворохе риз,
прошлых мундиров,
лихого злословья.

Память мышью сосредоточилась.
Ешь, мой зверек прожорливый,
ешь,

блеском прошедшим похрустывай...
Мартовский вечер нежен и свеж
на нищеты
ложе прокрустовом.

По поводу одной картины

Давай допьем коньяк,
он выдержан,
он прошлого столетия,
от черного остался четверга,
он обломился нам от пирога,
когда геволт одну шестую суши хавал,
когда жирели ушлые нахалы,
грядущее высасывая впрок...
Давай допьем коньяк,
он так лучится славно
с уходом солнца с твоего окна...
Давай допьем коньяк!
Пусть он добавит нам
беспечности, задора,
желанья заглянуть за штору,
где новый век сценарий пишет свой...
Давай допьем коньяк,
и теплая волна накроет холод,
что поднимается из тайников, из долек,
из почечных глубин,
когда мы сибаритствуем, глупим,
А наш рассудок
(Ах! Какой подонок!)
твердит, что миг неумолим, неуловим,
и вот –
тюльпан и ирис тонут в вазе,
как умбра в музыкальной фразе,
что не дописана в тетрадь...
Пусть говорят что время умирать, –
я бормочу свое: «Давай допьем коньяк,
чтоб отвязаться напрочь,
расслабленной рукою выводя:
«тысячелетье третье, помяни меня,
хмельную, предыдущими двумя...»

* * *

Чем ближе к Лете,
к заповедной переправе,
плюсквамперфекта оживает визг и
будто из колодца вылетает,
ну а там
премудрость эр обеих спрятана под свежий хлам.
Ты заглянул в колодец – не видать ни зги,
а времени фатально не хватает...
ну так не медли, не петляй по циферблату,
а в трость слепца спрями отрезок бытия,
или, вернее, в торс бомжа,
чтобы достать подкормку пожирнее...
Вон кто-то громкоговоритель сталинский на столб забросил.
ну а тот, представь себе, вещает,
дактилем вещает
про ход военных действий, переброску сил
на первой мировой, троянской, да, еще той...
Как колесницы тормозят в песке,
и не хватает провианта,
протухли яйца, хоть и по семнадцать,
а лучники орут: «Так... вашу мать!.. Где стрелы?!»
А военкоры, падки до клубники, гниды,
разносят склоки ставки –
кому ж досталось девство Брисеиды?..
О, мой аэд!
Что ж с тех далеких пор
всё неизменно, коль смотреть в упор?

9 ава

Кто-то пишет: умаял нестерпный зной
и это 9 ава...
а за моим окном дождь стеной
да аукают грома и пво октавы...
кадиш растрескал гортань, иссохший стон

норовит записочкой укрыться в зазоре камня...
принимаю, как божью подсказку, инструмент, камертон,
что выводит на единственно верный тон в хламе мнений –
лить ли слёзы над руинами очередного храма?
Жить-то как в соседстве с обезумевшим хамом?
И какая разница, как цезаря кличут: Тит
или Окурок – питерский бандит?
Трухлая империя грозитя, норовит
эскрементами измазать
и мое жилье, как дом Гапчинской Жени...
стекла битые сметем, до подробностей запомним вид
и помолимся Пречистой, но...
не о возмездии,
не об унижении
тех прельщенных, расчеловеченных,
а о возвращении
душ их
из адского сна
в кашеевом одурении.
Все равно разломится игла,
чары полетят осколками...
Не хочу, чтобы,
очнувшись,
краснел тогда
враг мой нынешний...
пред общими потомками.

Памяти Евгения Голубовского

Душа твоя от тела
шестого отлетела
а вот уже и тело
отправилось туда
где ждет его родня
а туча над могилой
нахмурила усилие

и хлынула навзрыд
туда где ты зарыл.
Как баба отрыдала
и поплелася вспять
туда где перед смертью
ты так любил гулять
делилась скорбной вестью
со всей морскою весью
стихий крутым замесом
расцветивая символ любимых наших мест –
два шара Ланжерона –
но не в тона минорные а яркие мажорные...
и тут как утешение
как чудо из чудес
двойная арка радуги
восстала до небес...
о! это подтверждение: пока стоит Одесса
в ней праведники были и думаю... что есть.

